

ЛАТВИЯ – ЛАТЫШСКАЯ ИЛИ ЕВРОПЕЙСКАЯ?

Борис Цилевич, правозащитник, политолог, депутат Сейма ЛР от Партии народного согласия.

Закон об образовании Латвийской Республики предусматривает, что с 2004 года финансируемое государством среднее образование можно будет получить только на латышском языке.

Против этой нормы активно выступают неправительственные организации и политические партии русскоязычного меньшинства, но правительство никак не решается пойти на компромисс. К нынешней весне напряжение в обществе резко возросло. В русских школах проходят собрания, на которых родители резко выступали против реформы. Планируемая ликвидация среднего образования на языках меньшинств стала основной темой прессы – сперва русской, а потом и латышской. На конец мая была назначена массовая манифестация против реформы... В чем корни проблемы? Каковы перспективы ее решения?

*Фото: А.Ф.И.
Борис Цилевич*

Уникальное «ноу-хау»

На рубеже 90-х годов прошлого века, когда была восстановлена государственная независимость Латвии, многие политологи оценивали будущее нашего государства весьма пессимистически: в республике неизбежны жестокие этнические конфликты. После 50 лет советского режима латыши никогда не согласятся делить власть с латвийскими русскими, а обеспечить политическое доминирование титульной этнической группы при тогдашнем соотношении латышей и русскоязычных – почти 50-50 – казалось практически невозможным.

Однако чудо произошло – благодаря уникальному «ноу-хау». Суть его заключалась в концепции гражданства. Латвия и Эстония стали единственными постсоветскими государствами, отказавшимися от так называемого «нулевого варианта», при котором гражданство автоматически предоставлялось всем постоянным жителям на момент провозглашения (или восстановления) независимости. Гражданами Латвии были признаны лишь те, чьи предки имели гражданство на момент аннексии Латвии Советским Союзом в 1940 году. Для обоснования «концепции восстановленного гражданства» были написаны тома историко-правовых обоснований: поскольку аннексия была незаконной, она де-юре не могла изменить ни международно-правового статуса Латвийской Республики, ни ее совокупности граждан.

Впрочем, суть дела была, естественно, в другом. Если среди всех жителей Латвии на момент восстановления независимости этнические латыши составляли чуть более половины (сегодня – 58%), то среди признанных гражданами – около 80%. Тем самым политическое доминирование латышей было обеспечено.

Дефицит демократии

Плата за такое «решение проблемы», однако, оказалась достаточно высокой. Фактическое отстранение трети налогоплательщиков от участия в политических процессах создало долговременный дефицит демократии. Латвийская демократия оказалась демократией не для всех. Люди, большая часть из которых родилась и всю жизнь прожила в Латвии, оказались фактически апатридами. Еще в середине 90-х новорожденных детей неграждан регистрировали как граждан СССР – страны, к тому времени уже пять лет как не существовавшей.

Естественно, новая политическая элита отнюдь не спешила с принятием закона о натурализации – зачем же делиться обретенной властью? Только в 1995 году наконец вступил в силу Закон о гражданстве, предусматривавший возможность натурализации на довольно жестких условиях. Помимо других норм, закон включал и так называемые «окна натурализации» – специальный механизм торможения, позволявший натурализоваться лишь отдельным категориям неграждан. Лишь в 1998 году под давлением ЕС и ОБСЕ «окна» были отменены. Но и сейчас неграждане натурализоваться не слишком торопятся. Для очень многих пройти натурализацию означает признать, что с ними поступили справедливо – а большинство неграждан с этим вовсе не согласно.

Гражданство, как СПИД

Впрочем, количество неграждан, тем не менее, сокращается довольно быстро. В первую очередь – из-за смешанных браков. В отличие от Эстонии, где граждане и неграждане разделены географически (абсолютное большинство русскоязычных неграждан сконцентрировано на северо-востоке и в Таллинне), в Латвии неграждане живут во всех крупных городах. Политический проект «строительства нации» мало повлиял на

повседневную жизнь людей – отношения между латышами и русскими трудно назвать «напряженными». До сих пор пятая часть всех браков – смешанные, русско-латышские. Еще больше браков гражданско-негражданских. Дети от таких браков – граждане по рождению. Так что до сих пор актуальна горькая шутка: гражданство Латвии, как СПИД, передается в основном половым путем...

Постепенный рост доли нелатышей среди граждан серьезно влияет и на политический ландшафт Латвии. Партии «мейнстрима» ориентируются на латышского избирателя, их программы укладываются в спектр от радикального до либерального национализма и не привлекают русских избирателей. В отличие от Литвы и Эстонии, граждане Латвии голосуют во многом в соответствии с этническим происхождением. На выборах 8-го Сейма в 2002 году партии, считающиеся прорусскими, получили уже четверть мест в парламенте.

Идеологическая ассимиляция

Как в этой ситуации обеспечить развитие «латышской Латвии»? Да еще в условиях, когда интеграция в ЕС приводит к лавинообразной экспансии англо-, франко-, немецкоязычной культурной среды?

Латышская политическая элита сделала ставку на систему образования. Если языковое законодательство пришлось более или менее либерализовать под давлением ОБСЕ и после проигрыша дел в Европейском суде по правам человека и в Комитете ООН по правам человека, то в области образования на языках меньшинств жестких международных норм нет, государства обладают большей свободой маневра. И стратегическая ставка была сделана на постепенную ликвидацию образования на языках меньшинств. Цель – не столько языковая и культурная, сколько идеологическая и политическая ассимиляция: латышская элита пытается насильно привить русской молодежи «латышские ценности» до того, как она придет к избирательным урнам.

Все «становятся латышами»

Со времен «Народного фронта» новая элита декларировала заботу о сохранении культурной идентичности меньшинств. В то время эта стратегия имела конкретную цель: расколоть однородную массу русскоязычных, получить союзника в лице пробудившегося национального самосознания нерусских меньшинств. Идеальная модель, по мнению идеологов «латышской Латвии», выглядела бы так: на социальном уровне все становятся латышами, общаются на латышском, разделяют «латышские ценности», а по субботам представители национальных меньшинств собираются в своих культурных обществах, поют свои песни и танцуют народные танцы. По такой схеме работают некоторые так называемые школы национальных меньшинств, которыми так любят хвастаться наши пропагандисты: по сути, это обычные латышские школы, в которых дополнительно преподается язык меньшинства, история и культура этнической родины. Такими министерские чиновники хотели бы видеть и русские школы: обычная латышская школа плюс факультатив игры на балалайке.

К сожалению, дискуссия выродилась в симметричные монологи глухих. Латышские политики и чиновники Министерства образования говорят: мы хотим, чтобы русские дети были конкурентоспособны на рынке труда, не подвергались дискриминации, могли поступать в вузы Латвии. Для этого они должны свободно владеть латышским. Чтобы этого достичь, недостаточно изучать язык на уроках латышского, надо использовать его и как язык обучения. Так что учиться на латышском – в интересах ваших детей.

Родители, в свою очередь, утверждают: когда ребенок учится на неродном языке, качество образования страдает – да еще если и учитель владеет языком далеко не в совершенстве. Ученики хуже знают физику, математику, экономику, потому что вместо предмета изучают латышскую терминологию. Результат – прямо противоположный декларированному: конкурентоспособность наших детей снижается. Нормального работодателя интересует квалификация работника, и далеко не всегда наличие или отсутствие акцента в латышском имеет значение. К тому же сильные школы и сегодня обеспечивают выпускникам хорошее владение латышским, многие русские ребята успешно учатся в государственных вузах – да, в конце концов, есть частные вузы с обучением на русском, немало ребят поступает в университеты России, Европы, Америки. Дайте нам возможность выбирать, не стригите всех под одну гребенку!

Диалога не получилось

Фото: А.Ф.И.

Накануне конкурса "Евровидение" более 15 тыс. человек собрались на митинг в поддержку русского образования. Рига, 23 мая.

Министерство пошло по пути наименьшего сопротивления – давления на директоров школ. Они получили ясные сигналы: не поддержите реформу – потеряете работу. Не был забыт и «пряник»:

учителя, соглашавшиеся читать свои предметы на латышском, получают специальные доплаты.

На уровне первых лиц государства попытки защитить право на образование на родном языке клеймились как происки «антигосударственных сил».

Игнорирование проблемы, отказ от диалога принесли закономерные результаты. К весне нынешнего года оказалось, что не маргиналы, а вполне преуспевшие, адаптировавшиеся к рыночной экономике, лояльные Латвии люди готовы выйти на улицы.

И только тогда правительство обратило внимание на проблему. Министерство предложило проект

программ средних школ меньшинств, по которому 40% предметов разрешается изучать на родном языке. Впрочем, норму закона – только на латышском -- менять не собираются, и это внушает серьезные сомнения в искренности властей. Как министерские нормативные акты могут противоречить закону? Похоже, что правительство стремится за счет туманных обещаний успокоить родителей, предотвратить массовые манифестации, а потом о своих обещаниях забыть.

Впрочем, вряд ли это получится. Для любого нормального человека перспективы детей – высшая ценность, и вряд ли он согласится с тем, чтобы судьбу его детей решали без его участия, игнорируя мнение родителей и налогоплательщиков.

Сегодня, в отличие от времен Атмоды, провинциально-националистическая концепция «латышской Латвии» направлена уже не против советского человека -- фактически она становится антиевропейской. От того, как будет решена проблема образования меньшинств в Латвии, во многом зависит и наше место в единой Европе – займет ли Латвия достойное место в мозаике европейского многообразия или станет в ней озабоченным и недружелюбным хутором.

